

© 2001 г.

В.П. МАКАРЕНКО

КАВКАЗ: КОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

МАКАРЕНКО Виктор Павлович - доктор философских наук, доктор политических наук, заведующий кафедрой политической теории Ростовского университета.

В дискурсе о Кавказе принято подчеркивать его историческое, этническое и геополитическое своеобразие. Я вижу путь систематизации теоретических и политических проблем, связанный тенденциями отечественного и зарубежного общественнонаучного знания в последние десять лет: переформулировать проблемы кавказоведения в рамках сравнительно-исторического исследования России и Турции, сопоставления социополитических феноменов России и стран ислама [1]. Влияние исламских стран на социальную и политическую историю Кавказа бесспорно, что позволяет использовать результаты сравнительных исследований христианства и ислама. Распространенность этих религий на Кавказе — общеизвестна.

Названные направления анализа требуют особого обсуждения. Но *когнитивные*

установки (историческая, социальная, политическая и религиоведческая компаративистика) не сразу меняют организационные структуры социальных и политических наук. Усилить эти установки позволят тенденции художественной культуры "позднего социализма" - отечественный концептуализм. В его рамках полярность России и Европы, дихотомия "свое — чужое", русская и советская культура сведены к конструктам "свое как чужое и ничто", "тюрьма и интернат", а политическая история Российской империи и СССР выглядит как история "государства мух". Сходные установки реализованы при применении концепций Э. Фрейда, К. Леви-Стросса и М. Фуко к философии, литературе и политической культуре России [2]. Дискуссии историков, международных политологов показали, что интересы монархической, советской и нынешней политических форм госаппарата России подавляют интересы населения [3]. Аппарат остается совокупностью властно-управленческих клик и не имеет отношения к политическим элитам. Я показал, что автохтонная власть *чужда* населению страны из-за господства власти над собственностью и идеологией [4].

Применимы ли эти характеристики к анализу социальной и политической истории Кавказа? Для ответа на вопрос и интеграции множества проблем предлагаю конституировать направление исследований - метатеорию политической реальности или политическую концептологию [5] - междисциплинарный интегративный подход к анализу, пониманию и моделированию политической реальности. В современной философии науки методологический выбор исследователя переплетен с политическим: он сводится к альтернативе **"предельная ангажированность - максимальное дистанцирование"**.

Первая часть формулы выражает социальный и познавательный перфекционизм, обоснованный как повседневным сервилизмом, так и детерминистскими схемами, включая корпус социогуманитарных описаний социальной и политической истории народа и страны. Эти процедуры и связанные с ними схемы познания - варианты традиционализма, эконоцентризма, кратоцентризма и идеократии в региональном, национально-государственном, цивилизационном и мировом измерениях [6]. Вряд ли можно указать теоретика, абсолютно свободного от этих измерений. Чаще связь методологического и политического выбора ведет к неосознанному или осознанному редукционизму, не позволяя строго формулировать и держать в поле зрения задачу максимального дистанцирования исследователя от названных привычек, схем и процедур. В настоящее время отечественные экономическая теория, социология, политология и историография используют схемы прежней зарубежной советологии или цивилизационный подход — нашу очередную моду. Эти схемы, подходы и моды не позволяют адекватно описать процессы в России и СНГ. В этой ситуации идеологические дискуссии бессодержательны, чему дают примеры культурология, социальные науки и политика современной России [7].

Проблему дистанцирования поясню примером. Около 200 государств мира стремятся придать как можно большее значение своим историческим и социальным процессам. Но нет систем образования, информации и социогуманитарных исследований, которые только 1/200 часть времени и средств уделяют истории, событиям и процессам своей страны.

Дистанцирование - это полемика с существующими формами неравенства и монополии, это разработка концепций, ставящих под вопрос формы информационного и познавательного империализма извне и изнутри.

Исходный тезис и рабочая гипотеза. Уже 500 лет Кавказ - сфера противоборства Персии, Турции и России. Если взять Оттоманскую и Российскую империи, первая относится к морским, вторая - к сухопутным цивилизациям. Цивилизационные различия между ними были всегда, не препятствуя сродству. В обеих империях "догоняющая" модернизация осуществляется за счет завоевания прилегающих территорий и эксплуатации человеческих и природных ресурсов; такая модернизация вплоть до XX в. укрепляла авторитарную власть. Обе империи за последние 300 лет терпели поражения в войнах со странами Европы. Презрение к неверным (в Турции) и недоверие к иностранцам (в России) стали стереотипами поведения и мышления автохтонного

населения, воплощаясь в религиозных, правовых и политических институтах. Институты демократии вводились после поражений Турции и России в войнах со странами Европы и легитимировались как "возврат" к базовым принципам ислама (Турция) или превращением религиозной (православие) и светской (марксизм) идеологии в средство обслуживания властвующих кллик (Россия). Введение этих институтов не сопровождается *разрывом* власти и собственности.

Отсюда исходный тезис: **народы и страны Кавказа последние 300 лет принуждались заимствовать опыт Турции и России, все более отстававших от Европы**, принуждались делать "выбор" из двух зол, хотя шкалы измерения такого выбора не придумали самые высоколобые либералы. В любом случае "выбор" - зло, и в этом смысле история народов и стран Кавказа остается трагичной. Я не слышал о модернизациях, которые *полагают трагический опыт константой социально-политического развития*, рассматривая остальные факторы как соподчиненные.

Соседи народов Кавказа - турки и русские - обладали глубокими религиозно-политическими традициями, с помощью которых в Турции и России обосновывали тиранию внутри и агрессию вовне. Кавказ - окрестность обеих стран. А в "окрестностях" завоеватели-герои постоянно превращают собак в волков и наоборот [8]. У автохтонов Кавказа оставалась одна надежда: что и соседей не минует "чаша сия".

Хотя историю государств пишут как "историю побед", для политической концептологии важнее *история поражений* [9]. В том числе - соседей Кавказа. Вот главные из них. Турция терпит поражение под Веной (1683 г.), после чего европейские державы навязали ей Карловицкий трактат. На протяжении XVIII-XX вв. она проигрывает войны странам Европы и России. В Египте Наполеон громит турецкую гвардию мамелюков. Затем Турция проиграла войны с Россией. Австро-Венгрия вытеснила ее с Балкан. В первой и второй мировых войнах Турция была сателлитом Германии и потерпела неудачу. Россия на протяжении XIX-XX вв. проиграла Крымскую войну, войну с Японией, первую мировую и "холодную войну". Были частные поражения (война с Польшей в 1920 г.), двусмысленные победы (Финляндия - 1939—1940 гг.) и бесславные завоевательные походы ("Афган").

Эти события оказали решающее влияние на политическую историю соседей Кавказа. Турция *раньше* России стала проигрывать войны странам Европы. Султаны раньше осознали отсталость страны, осуществляя реформы для ее преодоления и будущих "побед". Уроки управления государством брали у европейцев, - "темных" в глазах ортодоксов ислама и православия. Наступила эпоха *вынужденного приспособления* Турции и России к новому соотношению сил, эпоха еще не завершенная.

Выделю ее этапы. Первый связан с *модернизацией армии*. В 1793 г. правительство революционной Франции прислало по просьбе султана Селима III инженеров и инструкторов для реорганизации армии. *Декларацию против человека и гражданина* перевели на турецкий и арабский языки [10, р. 182]. Контакты ради модернизации армии сеяли сомнения в основах деспотии. В России процесс осложнили захваты в Причерноморье, победа над Наполеоном, поражение декабристов и претензии на руководство Священным союзом.

На втором этапе руководство Турции поняло, что военное преимущество Европы — следствие развития экономики и политики. Начинаются административные реформы: у Пруссии заимствовали концепт "правового государства". Абсолютная власть легитимировалась конституцией и парламентом, введение которых в Турции растянулось почти на сто лет [10, р. 184].

История пишется сверху и снизу. Можно акцентировать стремление правительства к модернизации армии и управления государством, сохранив при этом абсолютизм. Значительно интереснее изучать связь первых оппозиционных движений с введением демократических институтов. Такие движения — основа *общенационального единения*, противостоящего племенным, этническим, сектантским и региональным интересам, обычно приводя к созданию оппозиционного парламента [10, р. 185].

В установлении институтов демократии (всеобщие выборы, конституция, парламент) Турция опередила Россию почти на 50 лет. Но частью этой истории стали *разгон и манипуляции* представительными учреждениями в традиции абсолютной власти. Сравнительный анализ новейшей истории Турции и России под таким углом зрения выявляет факторы данного процесса и выработки механизмов политического и правового противодействия. В России разгон и манипуляция парламентом со стороны монархов и президентов остается действующим фактором.

Третий этап приспособления Турции к изменению соотношения сил переплелся со вторым этапом. В Крымской войне Турция вместе с Британией и Францией победила Россию (последний раз), что доказало военное преимущество демократии над монархией. Турция стала заимствовать *радикальные политические идеи* у Западной Европы. Франция предлагала модель революционной демократии и диктатуры в единстве с верой в разум и добрую природу человека; социальные обстоятельства мешают воплотить ее в жизнь. Эту веру поддерживали Ватикан и рационализм эпохи Просвещения — представление о творческой природе власти и возможности ее использования во благо. Англия предлагала модель консервативной демократии вместе с пессимистическим убеждением: неразумие и зло - главные черты природы людей; изменение обстоятельств ничего не значит; и совершенные люди используют власть во зло, если им не мешать. Отсюда главные гарантии демократии - ограничить власть (по сферам, длительности и доступу) и привлекать к ответственности людей, власть осуществляющих.

Возможен вопрос: какая из моделей диктатуры и демократии лучше подтверждена исторически и эмпирически? Ответ ясен. Однако сравню ислам и православие: какая концепция человеческой природы и власти (доброй или злой) преобладает? Ответ на вопрос дают работы К. Армстронг по религиозной компаративистике. Автор провела сравнительный анализ 4000 лет иудаизма, христианства и ислама, выявив ряд их общих свойств. В них нет единой универсальной идеи Бога; каждая крайне прагматична, несмотря на интерес к трансцендентному. Три религии сформировали идеал справедливости, но евреи, христиане и мусульмане предали его и превратили Бога в покровителя существующего порядка; каждая религия не может преодолеть зависимость идеи Бога от личных убеждений. Верующий иудеист, христианин, мусульманин может быть республиканцем, социалистом, революционером, расистом, фашистом, коммунистом и т.д. Каждая из религий проповедует активизм при воплощении воли бога на земле; идея рая сопрягается с революционной деятельностью. Превращение религий в государственные усиливает вражду разных конфессий одной религии; каждая религия не признает исторические факты во имя индивидуального и группового спасения. Ни одна не смогла воплотить в жизнь бескомпромиссный этический кодекс, хотя такая идея существует в иудаизме, христианстве и исламе [11, с. 24, 25, 45, 185, 228, 276, 343, 405].

Турция и Россия соперничали в насаждении на Кавказе ислама и православия, хотя Армения и Грузия приняли православие много раньше Руси. Православие и ислам тяготеют к представлениям о человеке как добром по природе, а власти - как абсолютной и творческой силе. В этом смысле распространение православия и ислама на Кавказе есть *корреспондирование*, хотя его реальная история остается кровавой. Отсюда рабочая гипотеза: если в каноне религиозной и светской идеологии содержатся представления о доброй природе человека и творческой природе власти, их используют для легитимации деспотизма. Поражения Турции и России в войнах со странами Европы и попытки модернизации *не привели* к освобождению православия и ислама от перечисленных свойств. Россия и Турция не перестали навязывать народам Кавказа государственных религий. Возможно, политическую историю Кавказа надо рассматривать с точки зрения того, насколько соперничавшие здесь военно-религиозно-политические силы содействовали освобождению коренного населения от свойств монотеистических религий.

Кавказ как "суровый край свободы" - красивая, но, тем не менее, метафора, что

подтверждает современная политическая философия. Опираясь на нормативное понятие человека, главные свойства которого разум, коммуникация и нравственность, она воплощает эти предикаты в идеале свободы, прежде всего негативной [12]. Ранее я конкретизировал понятие человека свойствами свободы от материального своекорыстия, политического властолюбия и стремления к духовному господству [13]. Но система "власти-собственности" в Турции и России отвергает такую свободу. Поэтому важно выявить меру противодействия населения Кавказа свойствам монотеистических религий, меру его свободы от своекорыстия, властолюбия и стремления к духовному господству. Методики такого измерения нет, и говорить о "позитивной свободе" в Турции, России и на Кавказе — опасная иллюзия. Но и Европа не пример для подражания. История ближних и дальних соседей Кавказа воплощает своекорыстие, властолюбие и стремление к господству. Европа ограничивает сферу их проявления, как якобы нормы социально-политической истории.

Распад империй. Поражение России в войне с Японией пробудило надежды Турции. Впервые в истории небольшое государство Азии победило громадную евроазиатскую империю. Турецкие ученые и политики тогда заметили: Япония — первая азиатская страна, которая ввела западные политические институты (конституцию и парламент) и перевела систему образования на английский язык [14, p. 142].

После поражения в Балканской войне (1876—1878 гг.) начался распад Великой Порты. Он продолжался до первой мировой войны. Австро-Венгерская империя тоже распалась в результате войны. Распад Германской империи осложнился воссозданием Третьего Рейха, потерпевшего поражение в 1945 г. Советская империя в результате второй мировой войны усилилась и просуществовала до 1991 г. Отсюда вытекает, что новейшая история Кавказа может рассматриваться в контексте *распада империй*. Распад Османской империи опередил распад Российской империи более чем на сто лет. Народы Кавказа имеют опыт наблюдения такого распада. Но его использование — сложная теоретическая проблема. Опишем ее в первом приближении.

Ф. Бродель показал, что империи создают *универсальные проблемы*, неразрешимые в рамках империй, систематизируя данные сравнительного анализа Османской и Испанской империй в период их расцвета (1550-1650 гг.). Речь идет о "длительных временных протяженностях", в которых развиваются процессы: 1. Появление класса государственных чиновников; 2. Торговля государственными должностями; 3. Конфликт центра с периферией; 4. Использование финансов и кредита ради завоевания новых пространств [15, s. 30-51]. Первый процесс связан с тем, что всякий чиновник присваивает часть государственной власти. По мере роста госаппарата происходит дробление власти. Для аппарата империй характерно *религиозное ренегатство*¹, поскольку чиновники могут делать церковную и политическую карьеру одновременно. В результате соединения религиозной и политической карьер в имперском госаппарате исчезают различия между сословием юристов, воспитанных на римском праве, и сословием юристов-эзегетов текстов Корана. Те и другие способствуют укреплению и подрыву имперской власти одновременно. Для чиновника теряют смысл понятия "веры", "родины", "отчества". Развивается феномен "отрыва от корней".

Торговля должностями ведет к тому, что империя теряет власть в пользу властвующих лиц, стремящихся пожизненно закрепить за собой и потомками доходы, связанные с отпращиванием государственных функций. Для этого создаются законы о государственной службе и привилегированные учебные заведения. В итоге имперская бюрократия — это синтез семьи и церкви. Чиновник соединяет функции патриархального отца и священника, оказывая громадное влияние на финансы государства. На всех уровнях имперского государства идет явный и скрытый грабеж. Аппарат — легальная форма разбоя; государство — участник грабежа, практикуемого его функ-

---

¹ За 1453-1623 гг. из 48 великих визирей Турции 5 были мусульманами по рождению. Остальные (1 черкес, 6 греков, 11 албанцев и сербов, 1 итальянец, 6 армян, 6 грузин, происхождение 10 не известно) были ренегатами.

ционерными. Рост числа чиновников усиливает дезорганизацию империй. Конфликт центра с периферией делает власть неэффективной даже на низах иерархии. Маленькие должности приносят доход, который не снился иерархам. Падает авторитет султанов и императоров. В империях развиваются феномены "бегства из столицы" (по мере укрепления центральной власти) и "бегства в столицу" (в провинции никто не защитит подданных от произвола "государевых слуг"). По мере разрастания столицы растет коррупция правительства. Коррупция - "теневая власть" столиц; к ней прибегают для обхода законов.

Превращение финансов и кредита в ресурс государства ведет к росту зарубежных влияний на внутреннюю политику империй. Ватикан (в католицизме) и Константинополь (в православии) инициировали долгосрочные кредиты государствам Западной и Восточной Европы, связывая это с насаждением здесь разных версий христианства. По мере обращения автохтонного населения в лоно христианства религиозные центры (папы и патриархи) стремятся приобретать в государствах-кредиторах светские, политические должности. По мере реализации этого стремления растет рынок кредита и ценных бумаг. В результате правительства империи попадают в зависимость от международных финансовых организаций.

Ф. Бродель делал вывод: нет сущностного различия между Западом и Востоком, империями Европы и Азии. Указанные процессы есть *одновременно действующие причины* силы и падения империй. Европа, Турция и Россия, западное, восточное христианство, ислам - частные случаи универсальных процессов. Политика империй - "замкнутый круг" решения одних проблем, перед которыми бессильны реакционеры, консерваторы, реформаторы, революционеры. Эти проблемы заполняют сферу государственной жизни империй, соединяя власть с собственностью. Потому политика как сфера реализации свободы, равенства и справедливости просто **не может появиться**. Политическая борьба ведется за доступ к источникам дохода. В этом - основа эгалитаристских концепций "позитивной свободы".

Универсальные проблемы накладываются на *особенности распада империй*. Возникшие на развалинах империй государства обладают силой самосохранения даже в неблагоприятных обстоятельствах. Распад империй обнаруживает рост силы государства в политике. В период распада новые государства становятся "змеиным клубком интересов", зависимостей и карьер; государство превращается в самоценность, утрачивая способность к решению социальных проблем. Зато оно удовлетворяет материальные интересы людей, не создающих ни материальных, ни духовных ценностей; генезис новых правящих клик по мере распада империй превращает государство в сословный институт [16].

Как влияют имперское бытие и особенности распада империй на историю Кавказа? Свободно ли автохтонное население Кавказа от указанных закономерностей и особенностей? Материал по Кавказу под этим углом зрения пока не систематизирован; преждевременно говорить о политической самостоятельности существующих здесь государств. Даже минимальное знание истории Кавказа позволяет обнаружить описанные явления, не ставшие предметом сознательного противодействия политического руководства стран Кавказа. Турция и Россия не смогли преподать "лимитрофам" уроков противодействия, по мере завоевания Кавказа превращая указанные явления в "норму" политической жизни. Сколько времени займет освобождение от нее, - ответить невозможно. Но всегда найдутся "теоретики", обосновывающие эту мерзость "естественно-исторической необходимостью".

Формируются политико-когнитивные позиции в отношении распада советской империи: 1. Сторонники конкурирующих "геополитических фантазий"² (атлантизм и евразийство) обозначили тенденцию *воспроизводства империи* в современной России, включая претензии ее политических клик на страны "ближнего зарубежья". 2. Часть

---

² Я меняю выражение С. Аверинцева - Ответы на вопросы журнала "Звезда" // Звезда. 2001. № 1. С. 200.

властного истеблишмента России квалифицирует империю как позитивное политическое образование, предлагая двигаться в этом направлении. 3. Разрабатывается концепт "мышления против империи". 4. Формируется позиция "внутреннего наблюдателя" империи [17]. Каждая тенденция - предмет разбора. Но распад российской империи лишь начинается. Анализ распада Османской империи - элемент познавательного, морального и политического дистанцирования, с чего я начал статью.

В войне 1914—1918 гг. Турция была на стороне центральных держав. После войны Австро-Венгрия и Германская империя распались, в Российской империи произошла революция. Подтвердились положения классиков демократии: демократические государства не начинают войну, но успешно ее заканчивают; демократия не увеличивает мудрость нации, но делает ее здоровой и сильной. После 1918 г. в бывшей Османской империи создаются конституционные монархии и парламентские республики. В 1930-е гг. страны Европы и США охватил кризис. Наряду с моделями революционной и консервативной демократии в Европе крепил фашизм и национал-социализм. Советская Россия внедряла ленинско-сталинскую модель социализма. В 1945 г. фашизм и национал-социализм были побеждены демократическими державами и Советской Россией - кровавой диктатурой XX в. После этой победы термин "демократия" использовали для обозначения СССР, соединившего свойства фашизма и ленинско-сталинского социализма и предлагавшего модель плановой экономики для решения социальных проблем. Не все исламские страны устояли от соблазна этой модели, но заимствования завершились крахом. В 1948 и 1967 гг. арабские страны потерпели поражения в войнах с Израилем. После этого в них началась модернизация армий; некоторые стремятся создать ядерное оружие. Не повторят ли страны ислама во второй половине XX в. опыт Турции после поражения под Веной? Для ответа нужен разбор концепций, **институционализированных** в дипломатических, оборонных, репрессивных и разведывательных агентствах исламских стран последних 50 лет, относимых к сфере государственных тайн. Пока все это засекречено, трудно установить степень эпигонства и оригинальности руководства государств Кавказа после распада советской империи.

Между серединами XIX и XX вв. была распространена концепция свободы как независимости. Создание новых государств показало: политическая независимость и суверенитет не означают свободу. Деколонизация доказала: политическое оформление власти автохтонов связано с потерей свободы населения, имевшейся при имперско-колониальном правлении. Создание новых государств выгодно тем, кто извлечет из этого материальные, политические и иные дивиденды. Новые исламские государства обнаружили две тенденции: традиционная автократия, соблюдающая правила *ancien régime*; тирания доморощенных диктаторов с претензией на тотальный контроль. На пространстве бывшего СССР эти процессы развиваются недавно, требуя систематизации.

Фундаментализм. Деколонизация исламских стран разделила сторонников радикальных изменений на "фундаменталистов" и "демократов" с их идеологиями, программами. Остановлюсь на термине "фундаментализм". Он возник для обозначения протестантских трактатов, появившихся в США в 1910-е гг. В них содержались две идеи: отказ от либеральной теологии и критики Библии; провозглашение святости и безошибочности буквы библейских текстов. Такой фундаментализм ограничен религиозно-теологическими проблемами. Применим ли этот термин для обозначения современных исламских движений? В истории исламских стран были периоды, когда религиозно-теологические проблемы приобретали центральное значение. Сегодня они не главные. Святость и безошибочность Священного писания не предмет спора: эти качества Корана - аксиома.

Применять "фундаментализм" только к мусульманским движениям **ошибочно**. Но термин проник в Россию и Восточную Европу, используется в СМИ, политических дебатах, в науке. В религиоведении фундаментализм - универсальное явление мировых религий. Так, основа иудейского фундаментализма - хасидизм, возникший под

влиянием Французской революции. Хасиды отбросили мистическую религиозность во имя революционной деятельности, создания "нового мира". Еврейские философы конца XVIII - начала XIX вв. препарировали историю, сочинили "научный иудаизм". Идеей "духовности" политической деятельности сионизм прикрывал интересы создателей еврейского государства [11, s. 343, 347, 350, 382]. Католический фундаментализм распространен в США, в католических странах и связан с действиями правых, выдвигающих апокалиптические лозунги, требующих запрета абортов, ужесточения моральных и социальных норм, отказа от милосердия к иноверцам. Католики-фундаменталисты полагают, что евреев и мусульман ждет ад, а религии Востока - дело Сатаны [11, s. 404].

Связь православного фундаментализма с "евразийской" геополитической фантазией первым показал Г. Флоровский. Наши духовные "отцы" и "бабки" отбрасывают идею инерции зла, вошедшего в духовную конституцию русского народа. Они толкуют судьбу России как историю государства; отвергают идею о том, что христианская семья не является ячейкой общества и базисом государства; провозглашают идею единства церкви и государства. Современные исследователи православного фундаментализма описали его прошлые и настоящие формы, психологию и, поведенческие характеристики, стиль мышления и мировоззрения, специфику морали, отношение с церковью, перспективы. Отметим ряд моментов. Несмотря на атеизм, основания советской культуры и идеологии были фундаменталистскими. Православный фундаментализм - вид язычества, транслирующий идею "священной войны" с неверными; теоцентризм и национализм сближают православный фундаментализм с иудаизмом. В России задачи модерна не решены и потому фундаментализм присутствует во всех формах и сочетаниях. Православный фундаментализм опасен архаизмом и экстремизмом, способными сломить новую демократию [18, с. 150].

База фундаментализма - абсолютизация грани между "своим" и "чужим", провозглашение власти главной духовной ценностью: "Судорожная политическая деятельность фундаменталистов есть отступление от Бога и новая форма идолопоклонства. Фундаменталисты - это крестonosцы нашего времени. Они обычно обращаются к примитивному этосу, возлагая на алтарь племенные ценности и идеалы - выдумку человеческого ума. Фундаменталисты отвергают идею Бога как трансцендентной действительности, которая противостоит всем человеческим предрассудкам". Исламский фундаментализм нужно оценивать в контексте **универсальности фундаментализма как формы религиозности**, крайней политизации и трайбализма. Православный фундаментализм связан с исламским фундаментализмом общностью теоцентрического мировоззрения и авторитарной социально-политической структуры общества [11, s. 404]. Беспристрастная оценка исламского фундаментализма на Кавказе зависит от того, насколько сознание масс, политическое и научное сообщества России освободятся от элементов фундаментализма, провозглашающего власть и деление мира на "своих" и "чужих" главной ценностью.

Пока события движутся в ином направлении. Мера ответственности не определена. Нет социологически надежного ответа на вопрос: следует ли считать православный и исламский фундаментализм на территории бывшего СССР реакцией массового сознания, религиозного клира и властно-управленческих клик на универсальные и специфические свойства распада османской и советской империй? Превращение Российского государства и РПЦ в "змеиный клубок интересов" очевидно. Поэтому описание исламского фундаментализма — этап создания православно-исламской компаративистики.

Власть - главный предмет интереса исламских фундаменталистов. С ним связан корпус производных идей: исламское общество введено в заблуждение неверными и мусульманами-отщепенцами; последние опаснее. Мусульмане (по модели Запада под влиянием отщепенцев) отошли от Корана, приняв варварские (светские) законы и ценности. Либерализм, консерватизм, социализм, национализм — зло: они сталкивают

мусульман друг с другом. Мир ислама переживает последствия отхода от Корана

и шариата, культ практик неверных. Священная война (джихад, газават) — главное в борьбе с этой тенденцией, с исламскими отщепенцами, захватившими власть в ряде исламских стран. После победы над ними грянет эра реисламизации общества и длительной войны с неверными — узурпаторами решения проблем мироустройства.

Отсюда отрицательное отношение исламских фундаменталистов к демократии. Исламские лидеры берут власть оружием и пропагандой своего посланничества. В этом смысле они самозванцы. После прихода к власти используется процедура выборов по правилу: один человек, один голос, один раз. Остальные демократические процедуры отвергаются. Привлекательность лозунга "возврата к истокам" растет с ухудшением положения населения в результате реформ. В странах ислама нельзя сомневаться в принципах Корана, революции и республики; позиции демократов и фундаменталистов переплелись. Цель сторонников реформ - более "аутентичная" демократия по сравнению с предшествующей, демократия, не ограниченная интересами племен, регионов, религией и идеологией. Советская империя проиграла "холодную войну" с Западом, подтвердив преимущества демократии.

Мир ислама недоволен и разочарован в национализме, социализме и нацизме, заимствованным в Европе и России для обоснования модернизации. Лишь фундаменталисты и демократы пропагандируют ценности, которые выше интересов индивидов и групп. Правительства этих стран не отождествляют себя с фундаменталистами и демократами, держат власть, делая символические уступки в зависимости от политической конъюнктуры. В этом контексте идет становление демократии на Кавказе.

Перспективы демократии на Кавказе. Сможет ли демократия укорениться в новых государствах? Все зависит от способности мусульманских народов создать форму демократии, отвечающую традициям их истории, культур и религий и одновременно направленную против вооруженного захвата власти, имперских соседей (Турция, Россия), отрицания прав человека, связи власти и собственности. От этой традиции не свободны страны-соседи и автохтоны Кавказа. Ислам и православие по-разному отвечают на этот вопрос. Дискуссии продолжаются. Все зависит от того, какой "ответ" культурно-политически институционализируется.

Лидеры, властно-управленческие клики постсоветских стран жонглируют понятием демократии, не вдумываясь в его политическое содержание. Для них демократия - аналогия европейским костюмам и сценографии. Правительствам постсоветских стран демократия позволяет выпускать пар, решать мелкие вопросы, снимать недовольство. Демократия не стала средством контроля обществ над правительствами. Приоритет исполнительной власти над законодательной и судебной, вмешательство "силовики" в политику - правило для России и стран Кавказа.

Демократия — продукт европейской цивилизации. *Исторически* православие и ислам - элементы иудео-христианского и греко-римского наследия. В этом смысле они предпосылки демократии. Но *политически* перспективы демократии в странах православия и ислама не определены. Православные России, Украины и Беларуси (без западных областей), Грузии, Армении, Греции, Румынии, Сербии и Болгарии долго были под российским и турецким владычеством. Демократия была эпизодом их истории. Значит, "меньшее зло" в выборе путей развития стран Кавказа остается противоречивым.

В Исламской конференции около 50 стран. Из них лишь Турцию можно считать демократией в западном смысле. Но и здесь путь к ней не завершен, хотя длится почти 200 лет. Остальные исламские страны делятся на три типа: в одних демократии никогда не было; в других попытки установить демократию терпели поражение; в третьих экспериментируют с идеей разделения власти, но реальную власть не отдают.

Общее в политической истории Турции и России - *геноцид* против собственного населения и народов захваченных территорий. Однако турецкий геноцид несравним с советским по числу жертв, логике и последовательности осуществления. Народы Кавказа, весь "советский народ", на протяжении XX в. испытали весь набор средств

государственного насилия. России не удалось избавиться от советского наследия военных действий и политики на Северном Кавказе.

Сходный пункт религиозно-политической истории соседей Кавказа - *фундаментализм* православия и ислама. Обе его версии не тождественны ни православию, ни исламу, являясь модификациями религий. Обе оперируют идеями "священной войны" и "идеологической чистоты" православия и ислама. Идея "священной войны" не принадлежит исламу. Она содержится в Ветхом Завете, широко использовалась при зарождении христианства, в эпоху крестовых походов, в период Контрреформации, в XIX-XX вв. Католический и православный клир несет ответственность за соединение идеи "священной войны" с фактом существования национальных государств и империй, в которых одна нация, одно вероисповедание играют ведущую роль [19, s. 347—390].

История СССР позволяет сделать еще один вывод: после взятия власти сторонниками одной интерпретации марксизма "идеологическая чистота" настолько отталкивает, что ее невозможно достичь даже массовыми репрессиями. Попытки забыть это не согласуются с демократией. Вывод относится к любому геноциду и фундаментализму, к светским идеологиям, в которых проблема власти стоит в центре. Власть никогда не способствовала "чистоте" вероучения и мировоззрения, всегда связывая стремление к духовному господству с меркантильными мотивами и деформируя религиозные и светские идеологии.

На Кавказе каждая цивилизация формулирует концепции идеального правительства и личности. Для их воплощения и трансляции используются социальные и политические институты, образование. Концепции юридического лица и представительных учреждений, вытекающие из римского права, - критерии демократии. В русском праве нет концепции юридического лица и представительных учреждений [20]. Исламское право признает сообщество купцов и ремесленников, исповедующих Коран. После основания оно бытийствует независимо и теоретически бесконечно, имея право на обладание, приобретение и продажу собственности. Однако эти сообщества никогда не выходят за рамки первичных целей, не достигают статуса юридического лица в предпринимательстве, религии, политике.

Мусульманское правительство почти во всех функциях персонализировано. Нет государства, суда, города как политических, юридических и социальных институтов. Есть властители, судьи, *махалля* и т.д. По Корану исламское государство не обладает законодательной функцией, законодательные учреждения ему не нужны. Нет представительства и коллективного принятия решений. Не определены статус, место в политике купцов и предпринимателей. Средние слои находятся в ситуации хронической неопределенности, постоянной угрозы экспроприации и лишения жизни. Даже богатые не уверены в своей собственности: власти в любой момент могут ее конфисковать. Не институционализована социальная критика верхов и властноуправленческого аппарата. Послушание подданных - религиозная обязанность, непослушание - грех и преступление. В результате история исламских государств - бесконечная цепь властителей.

В этом - *параллель* стран ислама и России. Модернизация России и исламских стран в XX в. усилила авторитарную власть и систему "власть-собственность" [21]. Новые технологии, СМИ и вооружения значительно увеличили потенциал надзора, индоктринации и репрессий, арсенал средств контроля госаппарата за обществом. В России и Германии выработаны тоталитарные идеологии и политические системы, импортируемые в исламские страны. В итоге усилилась сакрализация власти и фанатизм населения. Модернизация ослабила роль религиозных запретов, ограничивавших прежние формы авторитарной власти. Сегодня мелкий диктатор может создать и насадить всепроникающую систему власти. Султаны, цари и халифы — далеко отстали от нынешних российских и исламских властителей. Насилие стало повседневной реальностью политической жизни и никого не волнует.

Заключительная ремарка. Я не исчерпал анализа политической истории стран Кавказа. Перспективы демократии на Кавказе определяются влиянием имперских соседей. Турция, Россия и Европа предлагают разные модели связи власти и

собственности: в Турции и России с помощью власти делают деньги; в Европе с помощью денег покупают власть. Длительное воздействие этих моделей на политическую жизнь Кавказа превратило страны региона в технологическую и политическую "свалку". Смогут ли эти страны изменить положение или пассивно будут исполнять роли в "дуге нестабильности", предписанные режиссерами геополитики? Ни ближние и дальние соседи, ни правительства стран Кавказа не имеют программ противодействия описанным процессам и феноменам. Тем важнее их теоретическая систематизация и изучение. "Реальная политика" уже давно подобна реке, уходящей в песок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См.: *Каменский А.Б.* Системный кризис и реформы в России и Турции: опыт сравнительного анализа // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. М., 1996; *Хелли Р.* Холопство в России-. 1450-1725. М., 1998.
2. *Хансен-Деве Д.* Эстетика ничтожного и пошлого в московском концептуализме // Новое литературное обозрение. 1997. № 25; *Зимовец С.* Молчание Герасима: психоаналитические и философские эссе о русской культуре. М., 1996; *ГиренокФ.* Патология русского ума: картография дословности. М., 1998; *Плудер-Сарно А.* Государственная дума как фольклорный персонаж // Логос. 1999. №9.
3. Национальные интересы России и реальные приоритеты государственной политики за полтора века: круглый стол // Отеч. история. 1996. №6; Концепция национальных интересов: общие параметры специфика. Материалы круглого стола // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 7; Национальные интересы и политические реалии современной России: заочный круглый стол // Полит. исслед. 1997. № 1.
4. *Тощенко Ж.Т.* Элита? Клань? Касты? Клики?.. Кто правит нами? // Социол. исслед. 1999. № 11; *Макаренко В.П.* Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Р.-н.-Д., 1998.
5. *Макаренко В.П.* Теория дескрипции и политическая метатеория // Социол. исслед. 1996. №5; Метатеория политической реальности // Вестник РГНФ. 1996. № 2; Политическая концептология // Народы СНГ накануне третьего тысячелетия: реалии и перспективы. Материалы международного симпозиума. Том III. СПб., 1996.
6. *Makarenko W.* Totalitaryzm czy modernizacja: problem dystansu przy opisie spoleczno-politycznej dynamiki Rosji // Filozofia rosyjska wobec problemow modernizacyjnych. Krakow, 1999.
7. *Малла М.* Из-под глыб, но что?.. Очерк истории западной советологии // Отеч. история. 1997. №5; *Следзенский И.В.* Эвристические возможности и пределы цивилизационного подхода // Цивилизации. Вып. 4. М., 1997; *Автономова Н.С.* Заметки о философском языке: традиции, проблемы, перспективы // Вопр. филос. 1999. № 11.
8. *Михайлин В.* Между волком и собакой: героический дискурс в раннесредневековой и советской культурных традициях // Новое литературное обозрение. 2001. № 1/47.
9. *Согрин В.В.* Идеология и историография в России: нерасторжимый брак? // Вопр. филос. 1996. № 8.
10. *Lewis, B.* Islam and Liberal Democracy // Liberal Society. Krakow-P., 1996.
11. *Armstrong K.* Historia Boga: cztery tysiacy lat idee Boga w judaizmie, chrzescianstwie I islamie. W-wa, 1995.
12. *Капустин Б.Г.* Что такое "политическая философия"? // Полит, исслед. 1996. № 6; *Берлин И.* Философия свободы. Европа. М., 2001.
13. *Макаренко В.П.* Теория бюрократии, политическая оппозиция и проблема легитимности. СПб., 1996; Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Р.-н.-Д., 1998.
14. *Lewis B.* The Bearing Modern Turkey. NY, 1989.
15. *Braudel F.* Morze Sroziemne I swiat sroziemnomorski w epoce Filippa II. Gdansk, 1977.
16. *Макаренко В.П.* Правительство и бюрократия // Социол. исслед. 1999. № 2.
17. *Бжезинский З.* Большая шахматная доска. М., 1998; *Дугин А.* Основы геополитики. М., 1997; *Филитов А.Ф.* Наблюдатель империи: империя как понятие социологии и политическая проблема // Вопр. социол. 1992. Т. 1. № 1.
18. *Костюк К.Н.* Православный фундаментализм // Полит, исслед. 2000. № 5.
19. *Minua G.* Kosciel I woina: od czasow Bibiji do ery atomowej. W-wa. P. 1998.
20. *Сергеевич В.* Русская юридическая древности. Т. I, СПб., 1902.
21. *Четкое М.А.* Неозатизм: мировые и локальные измерения // Полит, исслед. 1996. № 2.